

## НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ§

Федериго дельи Альбериги любит, но не любим, расточает на ухаживание все свое состояние, и у него остается всего один сокол, которого, за неимением ничего иного, он подает на обед своей даме, пришедшей его навестить узнав об этом, она изменяет свои чувства к нему, выходит за него замуж и делает его богатым человеком.

Уже смолкла Филомена, когда королева, увидев, что рассказывать более некому, за исключением Дионео в силу его льготы, весело сказала: - Теперь мне предстоит сказывать, и я, дорогие дамы, охотно исполню это в новелле, отчасти похожей на предыдущую, и не для того только, чтобы вы познали, какую силу имеет ваша красота над благородными сердцами, но дабы вы уразумели, что вам самим надлежит, где следует, быть подательницами ваших наград, не всегда предоставляя руководство судьбе, которая расточает их не благоразумно, а, как бывает в большинстве случаев, несоразмерно.

Итак, вы должны знать, что жил, а может быть, еще и живет в нашем городе Коппо ди Боргезе Доменики, человек уважаемый и с большим влиянием в наши дни и за свои нравы и доблести, более чем по своей благородной крови, весьма почтенный и достойный вечной славы; когда он был уже в преклонных летах, он часто любил рассказывать своим соседям и другим о прошлых делах, а делал он это лучше и связнее и с большею памятью и красноречием, чем то удавалось кому другому.

В числе прочих прекрасных повестей он часто рассказывал, что во Флоренции проживал когда-то молодой человек, сын мессера Филиппе Альбериги, по имени Федерико, который в делах войны, и в отношении благовоспитанности считался выше всех других юношей Тосканы.

Как то бывает с большинством благородных людей, он влюбился в одну знатную даму, по имени монну Джиованну, считавшуюся в свое время одной из самых красивых и приятных женщин, какие только были во Флоренции; и дабы заслужить ее любовь, являлся на турнирах и военных играх, давал празднества, делал подарки и расточал свое состояние без всякого удержа; но она, не менее честная, чем красивая, не обращала внимания ни на то, что делалось ради нее, ни на того, кто это делал.

Итак, когда Федерико тратился свыше своих средств, ничего не выгадывая, вышло, как тому легко случиться, что богатство иссякло, он очутился бедняком, и у него не осталось ничего, кроме маленького поместья, доходом с которого он едва жил, да еще сокола, но сокола из лучших в мире. Вот почему, влюбленный более, чем когда-либо, видя, что не может существовать в городе так, как бы ему хотелось, он отправился в

Кампи, где находилась его усадьба; здесь, когда представлялась возможность, он охотился на птиц и, не прибегая к помощи других, терпеливо переносил свою бедность.

Когда Федерико уже дошел до последней крайности, случилось в один прекрасный день, что муж монны Джиованни заболел и, видя себя приближающимся к смерти, сделал завешание. Будучи богатейшим человеком, он назначил в нем своим наследником сына, уже подростка, затем определил, чтобы монна Джиованна, которую он очень любил, наследовала сыну, если бы случилось, что тот умрет, не оставив законного потомства; а сам скончался.

Оставшись вдовою, монна Джьованна, по обычаю наших дам, ездила с своим сыном на лето в деревню, в одно свое поместье, в очень близком соседстве от Федерико, вследствие чего вышло, что тот мальчик начал сблизиться с Федерико, забавляясь птицами и собаками; не раз он видел, как летает сокол Федерико, он сильно ему приглянулся, и у него явилось большое желание приобрести его, но попросить о том он не решался, зная, как он был дорог хозяину.

Так было дело, когда случайно мальчик заболел; это страшно опечалило мать, ибо он у нее был один и она любила его как только можно любить. Проводя около него целые дни, она не переставала утешать его и часто спрашивала, нет ли чего-нибудь, чего бы он пожелал, и просила сказать ей о том, ибо если только возможно то достать, она наверно устроит, что оно у него будет. Мальчик, часто слышавший такие предложения, сказал: "Матушка, если вы устроите, что у меня будет сокол Федерико, я уверен, что скоро выздоровлю".

Мать, услышав это, несколько задумалась и начала соображать, как ей поступить. Она знала, что Федерико долго любил ее и никогда не получил от нее даже взгляда, вот почему она сказала себе: "Как пошлю я или пойду просить у него этого сокола, который, судя по тому, что я слышала, лучше из всех, когда-либо летавших, да кроме того его и содержит? Как буду я так груба, чтобы у порядочного человека, у которого не осталось никакой иной утешки, захотеть отнять именно ее?" Остановленная такою мыслью, хотя и вполне уверенная в том, что получила бы сокола, если бы попросила, не зная, что сказать, она не отвечала сыну и при том и осталась.

Наконец, любовь к сыну так превозмогла ее, что она решилась удовлетворить его и, что бы там ни случилось, не посылать, а пойти за соколом самой и принести, и она ответила сыну: "Утешься, сынок мой, и постарайся поскорее выздороветь, ибо я обещаю тебе, что первой моей заботой завтра утром будет пойти за ним, и я принесу его тебе". У обрадованного этим мальчика в тот же день обнаружилось некоторое улучшение.

На следующее утро монна Джиованна, в сопровождении одной женщины, как бы гуляя, направилась к маленькому домику Федерико и велела вызвать его. Так как время тогда не благоприятствовало охоте, да он не ходил на нее и в прошлые дни, он был в своем огороде, занимаясь кое-какой работой. Услыхав, что монна Джиованна спрашивает его у дверей, страшно изумленный и обрадованный, он побежал туда. Та, увидя его приближающимся, встала навстречу ему с женственной приветливостью, а когда Федерико почтительно приветствовал ее, сказала: "Здравствуй, Федерико". И она продолжала: "Я пришла вознаградить тебя за те убытки, которые ты понес из-за меня, когда любил меня более, чем тебе следовало; и награда будет такая: я намерена вместе с этой моей спутницей пообедать у тебя сегодня по-домашнему". На что Федерико скромно ответил: "Мадонна, я не помню, чтобы получил от вас какой-либо ущерб, напротив, столько блага, что если я когда-либо чего стоил, то случилось это благодаря вашим достоинствам и той любви, которую я к вам питал, и я уверяю вас, ваше любезное посещение мне гораздо дороже, чем если бы я вновь получил возможность тратить столько, сколько я прежде потратил, хотя вы и пришли в гости к бедняку". Сказав это, он, смущенный, принял ее в своем доме, а оттуда повел ее в сад и там, не имея никого, кто бы мог доставить ей общество, сказал: "Мадонна, так как здесь нет никого, то эта добрая женщина, жена того работника, побудет с вами, пока я пойду и велю накрыть на стол".

Несмотря на то, что бедность его была крайняя, он никогда не сознавал, как бы то следовало, что без всякой меры расточил свои богатства; но в это утро, не находя ничего, чем бы мог учествовать свою даму, из-за любви к которой он прежде чествовал бесконечное множество людей, он пришел к сознанию всего; безмерно тревожась, проклиная судьбу, вне себя, он метался туда и сюда, не находя, ни денег, ни вещей, которые можно было бы заложить; но так как час был поздний и велико желание чем-нибудь угостить благородную даму, а он не хотел обращаться не то что к кому другому, но даже к своему работнику, ему бросился в глаза его дорогой сокол, которого он увидал в своей комнатке, сидящим на насесте; вследствие чего, недолго думая, он взял его и, найдя его жирным, счел его достойной снедью для такой дамы.

Итак, не раздумывая более, он свернул ему шею и велел своей служанке посадить его тотчас же, ошипанного и приготовленного, на вертел в старательно изжарить; накрыв стол самыми белыми скатертями, которых у него еще осталось несколько, он с веселым лицом вернулся к даме в сад и сказал, что обед, какой только он был в состоянии устроить для нее, готов. Та, встав с своей спутницей, пошла к столу; не зная, что они едят, они вместе с Федерико, который радушно угощал их, съели прекрасного сокола.

Когда убрали со стола и они провели с ним некоторое время в приятной беседе, монне Джиованне показалось, что наступило время сказать ему, зачем она пришла, я, ласково обратившись к нему, она начала говорить: "Федерико, если ты помнишь твоё прошлое и моё честное отношение к тебе, которое ты, быть может, принимал за жестокость и резкость, то, я не сомневаюсь, ты изумишься моей самонадеянностью, узнав причину, по которой главным образом я пришла сюда. Если бы теперь или когда-либо у тебя были дети и ты познал через них, как велика бывает сила любви, которую к ним питают, я уверена, ты отчасти извинил бы меня. Но у тебя их нет, а я, у которой есть ребенок, не могу избежать закона, общего всем матерям; и вот, повинаясь его власти, мне приходится, несмотря на моё нежелание и против всякого приличия и пристойности, попросить у тебя дара, который, я знаю, тебе чрезвычайно дорог, и не без причины, потому что твоя жалкая доля не оставила тебе никакого другого удовольствия, никакого развлечения, никакой утехи, и этот дар - твой сокол, которым так восхитился мой мальчик, что если я не принесу его ему, боюсь, что его болезнь настолько ухудшится, что последует нечто, вследствие чего я его утрачу. Потому прошу тебя, не во имя любви, которую ты ко мне питаешь и которая ни к чему тебя не обязывает, а во имя твоего благородства, которое ты своею щедростью проявил более, чем кто-либо другой, подарить его мне, дабы я могла сказать, что этим даром я сохранила жизнь своему сыну к тем обязана тебе навеки".

Когда Федерико услышал, о чем просила его дама, и понял, что он не может услужить ей, потому что подал ей сокола за обедом, принялся в её присутствии плакать, прежде чем был в состоянии что-либо ответить. Дама на первых порах вообразила, что происходит это скорее от горя, что ему придется расстаться с дорогим соколом, чем от какой-либо другой причины, и чуть не сказала, что отказывается от него, но, воздержавшись, обождала, чтобы за плачем последовал ответ Федерико, который начал так: "Мадонна, с тех пор как по милости божией я обратил на вас свою любовь, судьба представлялась мне во многих случаях враждебной, и я сетовал на нее, но все это было легко в сравнении с тем, что она учинила мне теперь, почему я никогда не примирюсь с ней, когда подумаю, что вы явились в мою бедную хижину, куда, пока она была богатой, вы не удостоивали входить; что вы просите у меня небольшого дара, а судьба так устроила, что я не могу предложить вам его; почему, об этом я скажу вам вкратце.

Когда я услышал, что вы снизошли прийти пообедать со мною, я, принимая во внимание ваши высокие достоинства и доблесть, счел приличным и подобающим учествовать вас, по возможности, более дорогим блюдом, чем какими вообще чествуют других; потому я вспомнил о соколе, которого вы у меня просите, о его качествах, и счел

его достойной для вас пищей, и сегодня утром он был подан вам изжаренным на блюде; я полагал, что достойно им распорядился; узнав теперь, что вы желали его иметь в другом виде, я так печалюсь невозможностью услужить вам, что, кажется мне, никогда не буду иметь покоя". Так сказав, он велел в доказательство всего этого бросить перед ней перья и ноги и клюв сокола.

Когда дама увидела и услышала это, на первых порах упрекнула его за то, что он заколол такого сокола, чтобы угостить им женщину, а затем стала восхвалять про себя его великодушие, которое не в силах была умалить бедность. Затем, утратив надежду получить сокола, а вследствие этого полная сомнений относительно здоровья ребенка, она, печально простившись, вернулась к сыну, который, вследствие ли горя, что не мог получить сокола, или привела его к тому болезнь, по прошествии немногих дней скончался к величайшей скорби матери.

Пробыв некоторое время в слезах и горести, она, оставшаяся богачихой и еще молодой, несколько раз была побуждаема братьями снова выйти замуж. Хотя она того и не желала, но видя, что к ней пристают, вспомнила о доблести Федерико и о его последней щедрости, когда он заколол, чтобы учествовать ее, такого сокола, и сказала братьям: "Если б вы на то согласились, я охотно осталась бы так, как есть: но если уж вам угодно, чтобы я вышла замуж, я по чести не изберу никого другого, кроме Федерико дельи Альбериги".

На это братья ответили, глумясь над ней: "Глупая, что ты говоришь, как хочешь ты выйти за человека, у которого нет ничего на свете?" А Джиованна на это им в ответ: "Братцы мои, я отлично знаю, что все так, как вы говорите, но я предпочитаю мужчину, нуждающегося в богатстве, богатству, нуждающемуся в мужчине".

Братья, узнав об ее решении и зная доблести Федерико, хотя он был и беден, выдали ее за него со всем ее богатством, как она того желала. Получив в жены такую женщину, которую он любил, став, кроме того, богачом и лучшим, чем прежде, хозяином, он в радости и веселии провел с ней остаток своих дней.